

Осенью двадцатого года Константин Сергеевич согласился прочесть цикл лекций для учеников четырех театральных студий.

На этих лекциях-уроках он учил нас ходить, говорить, читать стихи и прозу, носить плащ, кланяться в стиле определенного века, подавать руку даме, двигаться в ритме музыки, и т. д.

Каждый из нас должен был прочесть ему какое-нибудь стихотворение или монолог. Когда очередь дошла до меня, я прочел монолог Марка Антония из шекспировского «Юлия Цезаря», стараясь вложить в него весь свой темперамент.

— Ох, ох, ох,— вздохнул Константин Сергеевич после того, как я закончил. Этот вздох обычно означал, что ему исполнение не понравилось.— Что же вам сказать?...— задумался он.— Вы, кажется, рисуете?— Очевидно, Станиславский вспомнил портрет.— Ну вот, смотрите.— Он взял в левую руку лист белой бумаги, лежавший перед ним на столе, а в правую — карандаш.— Представьте себе, что вам надо на этом листе вот этим карандашом нарисовать какой-то рисунок. А вы вместо этого истыкали весь листок карандашом, демонстрируя мне свой темперамент. В результате вместо рисунка — смотрите, что получилось.— В руках у Станиславского был истыканный лист бумаги.

Позднее, когда я стал актером Художественного театра, я не раз встречался с этим удивительным умением Станиславского применяться к характеру и мышлению того, с кем он в данный момент работал.

«Каждый молодой актер должен желать, пока он еще молод, чтобы ему рассказали о том, что говорит в своей книге Станиславский. ...Книга Станиславского удивительно современна».

Джон Гилгуд (Англия)

И Е

должать беседу за чаем с сухариками и вареньем.

После недолгой передышки репетиция возобновилась. На этот раз солисты пришли в кабинет. Они расположились полукругом и начали репетировать другую сцену.

Было шесть часов, уже спускалась русская ночь, когда хлопнули клавиш, и певцы, откланявшись, ушли. Так закончился первый день, проведенный мною у Станиславского.

Часто хочется узнать, действительно ли так велико то великое, каким оно представлялось по слухам. Подходя впервые к Парфенону, вы волнуетесь — не разочаровал бы он. Парфенон не разочаровывает. Так же и Константин Сергеевич Станиславский.

Отрывок из книги «Московские репетиции». Нью-Йорк. 1936.

КОНЦЕРТ НА ТАГАНКЕ

А. ЗУЕВА,

народная артистка СССР

1918 год. Репетировали дома у Станиславского. Вдруг слышим: громко звонят внизу. Докладывают Константину Сергеевичу: рабочие какие-то пришли, его спрашивают. Он вышел, поговорил с ними, потом нам рассказывает: рабочие говорили ему хорошие, теплые слова, знают они про его большое искусство, а вот близко никогда не видали. И тут же решает Константин Сергеевич: «Давайте организуем концерт! Кто со мной поедет, — рабочие на Таганке в чайной собрались»...

Быстренько составили программу, поехали. В чайной народу битком. Вокруг Станиславского сразу зашумели, решили его качать. Мы перепугались. Константин Сергеевич такой сдержанный, даже церемонный был в обращении и вдруг... под потолок взлетает. Но смотрим: он ничего, улыбается. «Довольно, довольно,— говорит.— Я тяжелый, вы устали». Потом начался концерт. Станиславский читал монолог Фамусова. Кончил — молчание. Он вошел к нам за загородку смущенный. «Вот не приняли меня», — говорит. А тут вдруг такие аплодисменты! Станиславский заулыбался: «Это, наверное, кто-нибудь подговорил, не иначе».

Потом, когда я выступила со своими рассказами из народной жизни и спела «Во субботу день ненастный», тоже много аплодировали. Константин Сергеевич меня поздравил: «Вот у вас успех настоящий. А у меня нет, какой же успех — подстроили!»